

16. Савельева В.В., Магомедов К.А. География Ставропольского края: учебное пособие. Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во, 1987.
17. Смолицкая Г.П. Некоторые аспекты топонимии как источника исторической географии населения // Топонимика на службе географии: Вопросы географии. Сб. № 110. М.: Мысль, 1979.
18. Ханмагомедов Х.Л. Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990.
19. Ханмагомедов Х.Л. Вопросы расселения и контактирования русских с народами Дагестана (топонимический аспект) // Проблемы русского и русскоязычного населения Республики Дагестан: Мат-лы науч.-практ. конф. Махачкала: Изд. Миннац Республики Дагестан, 1996.
20. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 1. Орджоникидзе: Изд. НИИ при Совете Министров СО АССР, 1971.

Ю.В. Сложеникина

*Самарский государственный
технический университет*

В.К. ТРЕДИАКОВСКИЙ: ИМЯ И СУДЬБА

Может показаться, что фамилия Тредиаковский была придумана писателем как изысканный литературный псевдоним. Однако немногочисленные исторические документы, свидетельствующие о жизни и деятельности филолога, позволяют предложить мотивировку, связывающую имя с судьбой ученого. Существование непознаваемой (незримой и неслышной), но проявляющейся связи между именем и судьбой человека однозначно утверждал П. Флоренский, называя имя тончайшей плотью, посредством которой объявляется духовная сущность. В противном случае, если имя случайно, человек принимал бы на себя образ и избирал путь духовно чуждый, без внутренней сути – то были бы лишь имитация и актерство, «не только не способствующее раскрытию и просветлению личности, но, напротив, ее подавляющее, убивающее в ней духовную свободу и самоопределение». Небезразличие к именам большинства вдумчивых людей есть свидетельство полусознанной интуиции, улавливающей интерференцию имени, духовного типа и общего пути жизни [Флоренский: 21.php].

Родословная Василия Кирилловича Тредиаковского известна до третьего поколения. Его дед Яков переселился из Вологды в Астрахань в 1697 г. Как и дед, отец писателя Кирилл Яковлев служил священником в соборной Троицкой церкви. Василий Кирилов (Тредиаковский) был старшим сыном в семье, средним – Яков Кирилов, младшей – сестра Мария. Все дети в семье носили отчество отца – Кириловы. Окончив школу като-

лических монахов и желая продолжить обучение в Киево-могилянской академии, 13 февраля 1722 г. Василий написал челобитную на имя астраханского вице-губернатора И.В.Кикина о выдаче ему паспорта. В.П. Самаренко по книге «Протоколов входящих челобитных доношений» цитирует запись № 113: «Челобитье бывшего певчего Василия Кирилова об отпуску из Астрахани до Киева для учения латинскому языку в пашпорте» [Самаренко 1962: 360]. Родственники писателя, жена Федосья Фадеева да и он сам в сохранившихся документах фигурируют под фамилией Кириловы. Так, после смерти жены и отца Кириллы Яковлева в 1728 г. между тестем писателя сторожем Астраханской губернской канцелярии Фадеем Кузьминым и сестрой Марией Кириловой разгорелся судебный спор из-за наследства. Фадей Кузьмин в челобитной на имя губернатора писал: «в 723 г. ...Василий Кирилов волею своей бежал из Астрахани в Москву и Санкт Питербурх, а ...жене своей ... на прокормление ничего не оставил». Мария Кирилова на допросе в канцелярии губернатора показала, что «...имеется у ней брат родной... Василий Кирилов, который ныне ...в Санкт Питербурхе вживе» [Самаренко 1962: 361, 362, 363].

Лев – сын ТрEDIAKовского от второго брака – при прохождении смотра в петербургской Герольдмейстерской конторе 23 марта 1758 г. также показал: «отец ево Василей Кирилов сын Тредьяковской сначала в службы определен в 730м году и был студентом при Академии наук...» [Успенский, Шишкин 2008: 324]. Таким образом, род первого русского профессора, не принадлежа к княжескому или боярскому, не имел фамилии, а каждый потомок получал отчество по имени отца.

Отечественная ономастика начинает отсчет истории русских фамилий с XIV века и мотивирует первые имена территориальным признаком – именами и вотчинами землевладельцев (Мещерский, Вяземский). В XVI-XVIII вв. фамилии получают русское дворянство. С XIX века начали складываться «фамилии русского духовенства. Среди них было много искусственно образованных фамилий от слов не только русского, но и церковнославянского, латинского, греческого и других языков». Иногда фамилии представляли собой кальку с русского на латинский или греческий с присоединением суффиксов -ов или -ск и окончания -ий (Бобров – лат. Касторский, Петухов – греч. Алекторов и др.) [Сусллова, Суперанская: 2.2.].

Сведения из биографии ТрEDIAKовского позволяют утверждать, что процесс «офамиливания» духовенства начался более чем на век раньше. Правда, у писателя происходил он не в среде православного христианства, а в католических кругах. По желанию отца Василий в 1712 или 1713 г. (точная дата, однако, до сих пор не установлена) был зачислен в школу итальянских монахов для обучения «словесным наукам на латинском языке» [Записки... 1865: 30]. Школьными учителями были римские монахи-капуцины, проживающие в Астрахани. Монашеская миссия была организована в многоконфессиональной Астрахани по инициативе Римского ор-

дена капуцинов. В 1716 г. в город прибыли отцы Патриций, Бонавентура и Джанбаттиста. В латинской школе капуцинов молодой человек проучился до 1722 или начала 1723 г., после чего продолжил обучение в Москве, в Славяно-греко-латинской академии.

Очевидно, к старшим курсам школы капуцинов в Василии Кирилове прочно укрепилось желание покинуть Астрахань. П. Флоренский уловил привязанность имени к тому или иному конкретному дискурсу. Поэтому «перемена места в мире, новое онтологическое и мистическое, а отчасти и просто общественное соотношение с миром, влечет за собою *переименование*, или, с иной точки зрения, переименование производит такой перелом в жизни» [Флоренский 21.php]. Крутой перелом в жизни Тредиаковского (провинция – столица, член семьи – анахорет, церковь – академия, певчий архиерейского дома – светский поэт, писатель и переводчик) с неизбежностью требовал нового имени. В итальянской школе будущий писатель получил фамилию Тредиаковский. В 1721 г. он собственноручно переписал славянскую «Грамматику или письменицу славенскую», на которой рукою автора написано: «ученик латинских школ *Vasilius Trediacovensis*» [См.: Шишкин 1984: 130; Успенский, Шишкин 2008: 322]. Таким образом, документально подтверждено, что 18-летний ученик астраханской католической школы – первый в роду поповичей – стал носителем фамилии.

Беспрецедентный поступок в биографии Тредиаковского – побег из Астрахани, от семьи и молодой жены в 1723 г. – для первого русского профессора не был спонтанным. Если предположить, что юный Василий был готов покориться воле отца и продолжить служение на духовном по-проще, то фамилия ему была бы попросту не нужна. Традиция давать фамилии духовенству началась только в XIX в. То, что Тредиаковский за несколько лет до окончания школы стал носить фамилию, может указывать на твердую убежденность будущего ученого порвать с астраханским локусом и вырваться в столицу России или даже за ее пределы в поисках учености.

Каким же образом жизнь и судьба Тредиаковского отразились в его фамилии? Помимо обязательной латыни, на которой велось преподавание, в школе изучался и итальянский язык – родной для учителей-миссионеров. По нашему мнению, именно к итальянской морфемике восходит фамилия Тредиаковский: *tre* – «три», *diacono* – «диакон». Если фамилию писателя рассматривать как кальку с итальянского языка, то буквально она может обозначать: «третий в роду дьяконов, принадлежащий к третьему роду дьяконов». Так и сам Тредиаковский в «Ведомости», поданной в академическую конференцию, сообщал о себе: «Дед и отец мой были священники» [Записки... 1865: 30]. Заметим, что, поскольку итальянский язык восходит к латыни, которую Тредиаковский хорошо знал, фамилию писателя можно возводить и к латинскому языку: *tres* – «три», *diaconus* – «диакон». Как кажется, здесь нет принципиального отличия.

Нельзя не обратить внимание на знаковый характер составляющих компонентов фамилии Тредиаковский. Первый компонент – «три». Это магическое число в мифологии и фольклоре: три желания, три попытки, три царевича, три ведьмы и т.п. Идея триединства составляет основу многих древних философских и религиозных учений. Три – священное число Христианства: Святая Троица: Отец, Сын и Святой Дух; единство тела и души в человеке и Церкви. Три ипостаси – это догмат троицы. В Евангелии не раз упоминается число *три*: *три* дара волхвов Христу как Богу, Царю и Искупительной Жертве; *три* дня до воскресения Христа; *три* явления Его после смерти.

Особое значение приобретает и второй компонент фамилии – «диа-кон». Известно, что Тредиаковский с самого начала социального творчества подсознательно претендовал на первенство, и его фамилия должна была придать авторитетность всем его начинаниям, в частности, и на литературном поприще. Роль православного священника, начертанная происхождением, трансформировалась в иную форму, ипостась которой будет впоследствии утверждена Тредиаковским в особом типе писателя – просветителя народа [Растягаев 2008: 66-70].

Принятие юношей нового имени можно уподобить постригу в монахи. Слово «монах» в переводе с греческого *μοναχός* означает *одиночный, единичный*. Как будущий монах во время пострига дает Богу обеты послушания и нищеты, так и Тредиаковский в течение всей последующей жизни показывал беспримерные подвиги смирения и нестяжания. Соблюдая обеты, пребывая в посте, молитве и трудах, очищая душу и тело от страстей, понуждая себя жить по Евангельским заповедям, одинокий схимник надеется в конце пути получить от Бога дар вечной небесной жизни. Таков и Тредиаковский. С тем только добавлением, что, кроме Царствия небесного, Тредиаковский претендовал остаться в памяти потомков и в царствии Науки и Литературы.

Литература

1. Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. VIII. Кн. II.
2. Растягаев А. В. Извлекая из забвения: труд В. К. Тредиаковского «Житие канцлера Франциска Бакона...» (по фондам РГБ) // Библиотекосведение. М., 2008. № 3. С. 66-70.
3. Самаренко В. П. В. К. Тредиаковский в Астрахани (Новые материалы к биографии В. К. Тредиаковского) // XVIII век. Сб. 5. М.; Л., 1962. С. 358-363.
4. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л., 1991 // <http://grammar.ru/SPR/?id=2.2>.
5. Успенский Б.А., Шишкин А.Б. Тредиаковский и янсенисты // Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 319-456.
6. Флоренский П. Имена // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Onomast/Flor/21.php.
7. Шишкин А.Б. В.К. Тредиаковский: годы ученья // Studia Slavica Hung. XXX. Budapest. 1984. С. 127-145.